

Ольга ШИЛЕНКО
**ЧТО ПРИСНИЛОСЬ
ИССЫК-КУЛЮ**

Роман в рассказах

Окончание. Начало в № 1–3, 2025.

Схимница Фёкла

Я не хочу, чтобы меня кто-нибудь опекал и баловал. Надеюсь только на себя. Отшельница значит отшельница.

Каждое лето даю себе зарок выжить в горах без денег и помощи родных моих горожан.

Насколько меня хватит, говорю я себе на месяц, два, три? А если на пять?..

Я не нищая и могла бы набить холодильник и погреб экономной снедью на весь сезон. Оливки, маринады, сыры, консервы, сырокопчёные колбасы – всё это может лежать долго и греть сердце ощущением благополучия.

Но мне неймётся. Хочу жить, как староверка Агафья Лыкова, и уже к середине лета у меня это получается. Много выращиваю и добываю сама. Рыхлю, поливаю. На руках вспухают волдыри и мозоли, потому что забываю надевать перчатки, коих у меня целая коробка. Не скрываюсь и от загара, ещё та чернавка.

В середине июня на моём столе молодая картошка, помидоры, зелень.

Стараюсь есть только то, что растёт в огороде. Помидоров созревает много. Избыток для бартера.

Одна незадача – не получается укроп. Рука, что ли, тяжёлая?

Ко мне приходит старик в соломенной шляпе и за ведро помидоров и букет ромашек для своей жены приносит укроп, творог, а иногда и мёд.

– Лёгкая у тебя рука, Оля, сладкие у тебя помидоры. Сметана не нужна? Могу и сыр принести...

Он просит нарезать букет из роз, набрать семян космеи, водосборов, маков и васильков.

Продавщица из магазинчика, что на большой Каскеленской трассе, просит красной смородины и малины в обмен на мясо.

Упрямо избегаю есть мясо, сметану и творог. Но у меня в гостях бывают муж, дети, собаки и кошки, а значит, борщ должен быть на косточке. Бартер идёт полным ходом. Мираб Рахимберды за две тыквы приносит мне привет от дочери Умки – два кило болгарского красного и зелёного перца и тарелку с чебуреками.

– Чё не жить? Проживём, – говорит он на чистейшем русском языке и уносит с собой ведёрко яблок сорта «Летний лимон» и «Ренет Ландсбергский».

К концу лета избыток овощей и фруктов становится невыносимым. Я зову родственников и друзей, рву помидоры в тазы, тазики, кастрюли и вёдра.

– Да мы и так уже увезли четырнадцать тазиков, – ворчат гости. – Девать некуда! Все родственники и соседи едят и солят твои помидоры...

– Теперь пусть делают кобру, – уговариваю я.

– Отдай лучше в магазин. Ужас. Куда столько?

Я действительно отдаю избыток в магазин. Цена смешная. Тридцать тенге за килограмм. Продавать будут по сто. Но избыток есть избыток. Не выбрасывать же.

У меня появляются деньги. Может быть, купить колбасы?

Но разве ела когда-нибудь Агафья Лыкова колбасу? Да и что это теперь за колбаса? Считаю, что сейчас колбасы в стране не стало. То, что нам предлагают, – блеф, подделка и суррогаты. Колбаса, настоящая, с чесноком, от которой текли слюнки, была когда-то в Советском Союзе. Сейчас колбасы нет. Хватает всякого суррогата и муляжеподобной подкрашенной дряни. А тогда была, но не хватало. Потому что слишком всё было вкусно, дёшево и добросовестно. Нет, колбасу я не ем! Смешны мне и консервы со шпротами и килькой. Разве это консервы? Баночка жижицы, в которой гоняются друг за другом пять-шесть хлипких рыбёшек. Вот тогда были консервы! И тушёнка была тушёнкой, а не жёваной отрывкой коровы.

Кто знает, развалился ли бы Советский Союз, если бы делал такую несъедобную колбасу и гнал по таким ценам.

Я человек-индикатор, и многие подделанные магазинные продукты, как и фальшивые люди, вызывают во мне чувство тошноты. Мне симпатична жизнь Агафьи Лыковой, её уединённое житьё-бытьё и староверский принцип – надеяться лишь на себя, а именно – есть только то, что выращено своими руками. И топить баню и печку только тем, что добыто и заготовлено собственными руками. Всё, что искусственно и может исчезнуть сразу же при первых катаклизмах цивилизации, – от дьявола.

Я рисую себе некий смутный идеал, который люблю. Идеал зовут Фёклой.

*Живёт себе схимница Фёкла
В заброшенном гиблом селе.
Лучок посадила и свёклу,
Картошечку в скудной земле.*

*...На стенке портрет Горбачёва.
«Сыночек, какой нынче год?
Война или мир, или чё ли,
куда подевался народ?*

*Заезжему репортёру
Сказала: «Не пропадём!
Вон сколько орехов и тёрну!
И чё бы не жить? Проживём!»*

*Бывает, взгрустну, знамо дело,
бывает, заглянет медведь,
живая душа, на неделе –
в малинник ко мне посидеть»...*

*Она показала курятник,
Евангелие от Луки.
«Мамаша, но как ты, но как ты,
без радио здесь, без муки?!»*

*Трунит, улыбается Фёкла,
Свой мир как себя возлюбя.
Не хочет в наш город далёкий,
надеется лишь на себя.*

Укротительницы тигров

Евдокия, кряжистая, тестоподобная тетка стояла у магазина, широко расставив ноги в пимах, и рассматривала прохожих.

«Ну ладно, позевала, проветрила рот и будет, пора вертаться домой», – сказала себе Евдокия и вдруг снова застыла на месте как вкопанная.

– Ох, ох, ох, како-ой. Тудыт твою растудыт! Сурьезнай, представительнай, опрятнай. А брюки-то, брюки... бостон поди. Ишь ты! Куртка-то с молниями, с прибабасами. Чистай как сувенир мущина. Акуратнай. Румянай, как яблоко. Ладнай такой мущина. Позвать на блины што ль? А чё? Я женщина краси-

вая, меня мущины любят, другие бабы вон какие в моем возрасте задницы да бородавки таскают. Хорошай мущина. Чё нам, ровесникам, стесняться? Щас возьму и позову чаёвничать. Жизнь-то, её надо за хвост ловить. А то вить улетит – не поймаешь...

Тут Евдокия заметила догоняющую мужчину красавицу. По всему видать – жена. Уж больно по-хозяйски вцепилась лахудра в его рукав, когда слегка поскользнулась на дорожке.

– Ой, да это ж Люська Золотая Рыбка! А муж ейный... Всё! Вспомнила – Бронислав Подлётный, это же он – чёрная душа. Скоко ить жен у него перебывало? И все померли. Как щас помню: Маруся – раз. Год всего с ей прожил. Ниночка – два. И два года с ей все-го-то... Тамара – три. И опять же вроде три года получается прожили. Рая?!!

И тут вдруг Евдокия, задиристо охнув, поймала за рога эту странную цифирь-кабалистику. Что же это выходит? Какая по счету жёнка – таков по счету срок брака! Вот те бля... с корабля! Ритуал?

Она вспомнила последнюю жену Подлётного. С ней он прожил одиннадцать лет. Подсчитала в ужасе и шоке, и получилось, что аккурат на одиннадцатый год жена его Ванда и скончалась. Что же это за ритуал такой бесов? Евдокия, обомлев, боясь ошибиться, начала пересчитывать снова. Не везде всё сходилось. Четвёртая жена Рая прожила с Брониславом пять или шесть лет. И всё же Синяя Борода, видать, убил и её. Хотя говорят, мучилась, сердешная, почками. Да только попробуй – докажи, что такой опрятный мужичок – местная Синяя Борода! Всё шито-крыто. Одна родами умерла, другая спиной мучилась... А он живёт. Живёт оборотень! Живёт сладострастник стоеросовый, процветает! Ишь сколь поменял. Сколь в могилу вогнал! Не подумаешь – совпадение. А Люська-то, Люська – глиста в корсете, доска – два соска, посередине гвоздик, неужто не знает про чёрного вдовца? И зачем он ей, могила, хрен без мыла, чухло старое?! Впендюрилась девка, нет бы жить свободной: встала – встряхнулась, легла – свернулась. Ить угробит, подлюка такой, скоко их угробил-перегробил...

...Мужик растаял, разулыбался Люське Золотой Рыбке, засмотрелся на красоту писаную. И... не рассчитал расстояние от провисшей над головой ветки. А ветка-то возьми и подцепи берёт его кашемировый. И оказался мужик, вот умора-то, лысым-лысым, как чёрт из табакерки. Сразу в старика превратился.

– Тьфу ты, – озлясь, совсем громко забормотала Евдокия. – Тудыт твою... Мордошлёп какой! А баба-то, Люська-то, в педаль пьяная. Как замуж вышла, так и запила у него. Ах ты штрудель луковый! Чем же ты их ранишь-изводишь, калоша рваная? Какие такие утончённые пытки творишь так незаметно, что тают они у тебя тихо, как свечки?! Погибаю, любя!.. – Евдокия проследила. – Скоко их, скоко нераскрытых преступлений у нас, Гос-сподя-я! А я тут чего пузырюсь, кадушка с рассолом? Разбулькалась. Вертайся, говорю, домой. Кто в жизни повидал, тот в цирке не смеётся... Особо над укротительницами тигров...

И чертыхаясь, Евдокия пойдёт себе домой на блины, в свой Конный переулок. А там... Может, уже писали заявление на неё? Кто из полюбовников заглядывал в избушку на курьих ножках, тот, может, видел... За шкафом у укротительницы тигров уже двадцать лет лежит, прикованный цепью, высохший, как скелет, когда-то буйный, а ныне безгласный, вздрагивающий от каждого окрика её единственный законный супруг, которого все считают давно умершим.

Копнуть, так хоть садись и записки свидетеля пиши. В каждой хатке – свои схватки.

Срыв

Это был обаятельный украинец, выше среднего роста, самовлюблённый до кончиков волос. Об этом же говорила его одежда, купленная в дорогих бутиках. Так одеваются, ухаживают за собой, полируют ногти и красиво стригутся только больные нарциссизмом типы.

На допросах у следователя он держался уверенно, с чувством собственного достоинства, спокойно любуясь своими редкими запонками и сверкающими башмаками.

Его имя значилось в числе подозреваемых в исчезновении женщины, которую, если верить его небесно-голубым слезам, наворачивающимся на глаза, он безумно любил.

Вечные молодожёны. Они то сходились, то расходились, сопровождая свои разводы громкими скандалами, воровством друг у друга детей и немислимой грязью, выливаемой друг на друга на страницах жёлтой прессы.

Впрочем, эта грязь и убожество вдруг превращались в блеск и завидный пиар их талантов, богатства, славы и власти над толпой. Они возвращались друг к другу, и папарацци снова демонстрировали семейную идиллию публичных людей.

Звали их Артур Дронго и Норма Келлер. Звёздная пара.

В отличие от своего мужа, жена была некрасивой немкой с сердитым лошадиным лицом и резким неприятным риктусом вокруг длинного рта. Об этом свидетельствовали её фото, сделанные в разные годы, вплоть до девичества. Создавалось впечатление, что старообразная Норма никогда не была молодой. Слишком тяжёлая челюсть, брезгливые носогубные складки, сморщенный, не по-женски огромный лоб.

Немудрено, если такой холёный, эгоистичный хлыщ, как Артур, имел любовницу на стороне и тайно ненавидел жену за сварливый нрав. Впрочем, надо было выслушать и другую сторону.

Задав все свои вопросы подозреваемому, следователь с красноречивой проницательностью стала рассматривать его одежду. Её взгляд задержался на алмазных запонках и сорочке от Версаче, затем остановился на фотографии его сердитой жены. Лёгкая усмешка, будто бабочка, порхала на устах молодой сыщицы.

– Я о-чень любил свою жену! – искренне вскричал подозреваемый. – До бе-зу-мия!

– Такую стерву?! – дипломатично, не сгоняя усмешки с бледного рта, спокойно спросит сыщица, с явным умыслом понаблюдать за реакцией мужа, потерявшего жену, а может быть, счастливо избавившегося от неё.

Он изменится в лице.

– Да как вы смеете?! Моя жена... Моя жена совершенно!.. достойный человек, приятная во всех отношениях женщина, хорошая супруга и мать. Она была замечательной! – вскричит подозреваемый, и на его яркие глаза снова навернутся слёзы.

– Я так не думаю, – подзудит его сыщица. – Ваши соседи утверждают обратное. Скажем, не такая уж она была хорошая супруга, если жильцы дома были не раз свидетелями безобразных сцен, ваших с женой размолвок и драк...

– Типун им на язык, этим всем словоохотливым динозаврам бытовухи! – нервно ругнулся Артур. – Мы просто творческие люди... я актёр, она поэтесса, аномальные личности, эмоционально взвинченные натуры, только и всего!..

– Но она била вас прилюдно, оскорбляя и унижая ваше мужское достоинство, намекая на половую несостоятельность?

– Это неправда! Я очень любил свою жену. Наши ссоры только подогревали наши чувства, – отчеканил Артур и рассказал о совершенно неподражаемых штрихах характера своей возлюбленной.

– С ней было так интересно. Встаёт, представьте себе, утром и щебечет такие удивительные вещи, какие могут придумать себе только поэтессы: «Милый, ты заигрываешь со мной таким чудесным способом? А ну-ка сострой мне глазки ещё? О, да... да, любовь – это театр, это искусство, это вечный дар придумывать для любимого что-то новенькое», – так щебечет она, даже не предполагая, что я вовсе не заигрываю с ней и не строю ей глазки, а просто делаю свою обычную гимнастику для глаз. А у неё уже такие фантазии, такие, pardon, поэтические гиперболы! Ну как её было не любить?.. А какие стихи она мне писала? Какие посвящения! Как причудливо переплетались её образы с её эмоциональным фоном, любовью ко мне, умением создать картину, поймать мысль... Все её стихи афористичны. Я готов цитировать их запоем. Вот, например... – он защёлкал пальцами и приготовился читать что-то наизусть.

– Вы находили свою жену талантливой и вместе с тем приятной особой? – заёрзав на стуле от нетерпения, перебила его следователь.

– Я считал её более чем талантливой! А талант превыше внешних качеств. Талант одухотворяет, делает человека прекрасным. Я очень любил свою жену! Я... я... я... Это катастрофа! Это...

Разговор прервался истерикой подозреваемого. Он вдруг упал на пол и, плача, начал кататься по полу, проклиная свою сломанную судьбу... Таким образом снова заронив семена подозрения в сердце следователя.

«Ищи, Агата», – брезгливо глядя на рассопливленного красавчика, сказала себе молодая сыщица и тотчас предъявила ему ордер на обыск квартиры.

* * *

Невероятно, но её взгляд почти сразу привлекла мусорная корзинка поэтессы. Десятки рваных и скомканных черновых вариантов рукописей. Их надо было развернуть и прочитать.

– Как правило, всё разорванное и скомканное таит в себе тайну раскаяния. Не так ли, коллега? – спросила Агата у своего помощника, оперуполномоченного Давида.

Они погрузились в работу.

– И чем старательней это разорвано и скомкано, тем больше в этом тайны раскаяния! – ухмыльнулся Давид. – А это что? – он напрягся. – Это похоже на кляп!

Огромный комок бумаги, разрыхлённый по краям, имел микроскопические пятна крови и повреждений, будто его и впрямь заталкивали в рот.

Развернув страницы рукописи, Агата невольно вскрикнула. Самая исподняя страница была закапана то ли слезами, то ли каплями воды, на ней так же имелись следы крови, которые надо было проверить. Всё написанное на этой странице кричало о кризисе отношений между мужем и женой. Сомнений не было. Накануне исчезновения жены в доме произошла безобразная сцена... Это подтверждали соседи, слышавшие крики за стеной. В довершение всему, было обнаружено тело несчастной, выброшенное рекой в трёх километрах от города. Вскрытие обнаружило проглоченную убитой записку, в которой было написано всё, что требовалось следствию, и даже более...

На опознании Артур Дронго вёл себя мужественно, в меру артистично, как и подобало человеку из богемы.

– Да, это она. Этот браслетик и эти серёжки купил ей я, – сдержанно сказал он. – Лицо узнать невозможно, но эта родинка над бровью, эта стрижка... сомнений быть не может...

Артуру дали понять, что следствие имеет неопровержимые факты и улики против убийцы. Когда же ему показали эти улики, то сильный, собравший всю волю в кулак мужчина дрогнул, побледнел и закрыл глаза рукой.

— Я не смогу вам рассказать эту историю, — давясь слезами, произнёс он и попросил бумагу и ручку... Он долго сосредотачивался, потом перестал плакать, его худосочное лицо утратило выражение, окаменело, и он решительно вывел первую фразу:

«Я всегда был равнодушен к творчеству жены, — начал он. — В тот день она долго писала и не хотела ложиться со мной, поскольку мы пребывали в затяжной ссоре. Наконец, я не выдержал, подошёл к письменному столу, за которым сидела Норма, и с негодованием выхватил только что исписанный лист из-под её рук. То, что было написано там, повергло меня в шок. Она писала сумасшедшие белые стихи о нас. Вот они. Я помню их до сих пор:

Муж долго сидел в туалете,

Долго кряхтел. Подтирался.

Читал журнал. Снова кряхтел.

Снова читал. Затем дёрнул

Ручку бачка. Поднялся.

Сопя, долго застёгивал ширинку.

И я вдруг

Поняла, что я его разлюбила!..

Я всегда бурно реагировал на любые творческие всплески Нормы. Но на этот раз она просто попала в самую точку. Я давно чувствовал, что моя Норма разлюбила меня. Но чтобы вот так — перечеркнув все прекрасные и возвышенные строки о нашей любви, за которые я её боготворил?! В беспамятстве я ударю её кулаком по лицу. У неё хлынет кровь из носу прямо на строки, которые я только что с отвращением прочёл. Обезумев от её крика, я стал комкать страницы рукописи и затыкать ей рот...

Когда я пойму, что Норма мертва, я с ужасом вытащу кляп, вымою стол, затем заверну её в ковёр... положу это в багажник машины и, выехав за город, сброшу в реку. Остальное вы знаете. Однако я никогда бы не смог предположить, что Норма проглотит часть своих записей, которые обнаружит вскрытие».

— Скажите, о чем говорили строки, которые лежали у неё внутри? Она писала обо мне или о новой своей любви? И что же она писала, черт возьми?! — он затрясся.

Следователь Агата Яновна без жалости взглянула на убийцу.

— Вы не поверите! — холодно отчеканила она.

— Я могу ожидать от этой женщины всего! И ничему не удивлюсь, даже если она завещала своё состояние молоденькому мальчику, с которым тайно обвенчалась! — вскричал Артур.

— Что ж, извольте, я процитирую вам. На клочке проглоченной записи было написано вот что, — в голосе Агаты звучал укор: «Боже, Артур убил во мне столько любящих женщин, но сегодня это будет в последний раз, ибо разлюбившие не воскресают... А потому свидетельствую, что мой муж Артур Дронго убил меня в состоянии аффекта, не в силах вынести унижений, какие терпел уже много лет. Прости, Артур».

— Моя жена совершенно достойный человек! — пристыженно, но удовлетворённо вскричал преступник. — Я же говорил... И я, конечно же, до безумия любил её. Любовь — это искусство. Это вечный дар придумывать для любимого что-то новенькое. Мне интересно с ней даже после смерти. Я потрясён...

С этими словами обвиняемый просветлел, крепко сжал челюсти и замкнулся в себе, словно погрузил свою душу в анабиоз...

На суде он не проронил в своё оправдание ни слова.

Фартовые

Сырой, клубящийся туман спустился на город, окутал Кафедральный собор, осенний парк и гранитные парапеты у Дома офицеров. Туман – волшебник, каверзник. Как он способен преображать этот угрюмый мир, этот сумасшедший город! Всё превратилось в сказку. И, пока клубились фантомы ползучего пара, висело лохмотьями небо, спущенное до земли, они забыли, что очень несчастны, что дела их проиграны, квартира родителей заложена, а ему, такому ещё недавно бедному, но весёлому студенту, угрожает тюрьма.

Тогда-то они и увидели Его, белого как лунь человека, лежащего в луже у Дома офицеров. Лужа была неглубокой, но он лежал в ней лицом вниз. Рискуя захлебнуться, мертвецки пьяный, хорошо одетый, благородного вида мужчина с окровавленными руками.

Ползучая хмарь, сгущаясь всё плотнее, обступала лежащего в луже человека, холодало, и было ясно, что человек к утру не проснётся.

Он и Она не были подлецами, никогда не знали цинизма, а потому отчаянные проклятия Белого, прозвучавшие, едва они склонились над ним, ничуть не охладили их сострадания к падшему.

Человек оказался тучным и неподъёмным, и всё же им удалось оттащить его подальше от лужи, под навес, и усадить его, привалив к двери здания. Постучав в дверь, они попросили швейцара вызвать скорую, сказав, что человек болен, кажется, ранен и, возможно, имеет переломы.

Швейцар холодно скользнул взглядом по пьяному лицу, заметил, что это «важная птица», и угрюмо кивнул головой.

– Все будет о'кей! Не беспокойтесь. Кажется, я его знаю... Корнилов...

Озабоченная парочка, облегчённо вздохнув, точно сбросив с себя тонну груза, медленно зашагала было своей дорогой, как вдруг наткнулась на мешок Белого, который лежал рядом с ним в луже. Серый, неказистый мешок вызывал брезгливость. Однако девушка приподняла его, намереваясь вернуться к швейцару, чтобы вверить ему имущество Белого.

– Да брось ты! – возразил было её спутник. – Видишь, здесь ничего нет, кроме бумажного хлама.

Он приоткрыл мешок, пристально взгляделся в содержимое и вдруг, крепко сжав находку в руках, быстро рванулся вперёд, увлекая за собою спутницу. Не слушая её возражений и увещаний, он быстро шёл и шёл, угрюмо стиснув челюсти, бросив лишь одну отрывистую фразу:

– Милая, умоляю тебя, тихо, только тихо! Это страшно... господи, как страшно...

Он шёл, ускоряя шаги, цепко держа мешок в одной руке и судорожно сжимая локоть девушки другой, быстро увлекая её всё дальше и дальше в туман. А она, не понимая, в чём дело, в страхе семенила за ним, слыша одно и то же.

– Умоляю тебя, молчи, молчи, только молчи. Господи, прости и помилуй, господи...

Её воображение, и без того богатое от природы, мгновенно нарисовало зловещую картину содержимого мешка. Она вдруг решила, что они только что спасли от смерти маньяка-потрошителя и их страшная ноша – не что иное, как вещественная улика чудовищного Злодеяния преступника.

Ей чудился не только окровавленный нож – орудие преступления, но и то, что могло быть искромсано этим ножом. Бледность мужа и его до судороги стис-

нутые челюсти усугубляли ужас происходящего. Она, мелко дрожа всем телом, онемев и не чувствуя под собой ног, на грани обморока, как во сне, почти ввалилась вслед за мужем в свою квартиру и медленно стала сползать на пол.

– Что это? – стуча зубами, еле выговорила она.

Дважды повернув ключ в двери, студент трясущимися руками вывалил содержимое мешка на пол.

– Капуста, – плоско пошутил он изменившимся голосом. – Неужели фальшивые? Слишком много, Наташа! Слишком много, чтобы верить в этот сон. Бог послал нам эти деньги. Нет, не фальшивые.

– Это невозможно, – закрыв глаза рукой, пролепетала она. – Это действительно страшно. Как ты мог? А что, если это мешок инкассатора? Или...

– Плевать! – резко перебил студент. – Плевать, когда нищие бедолаги на грани катастрофы. Кто бы ни был наш сегодняшний «дед мороз»: грабитель, убийца или продавший последнее несчастный дурак – мне всё равно! Давай без сантиментов. Хотя бы раз подумаем о себе.

– Нет!

– Да.

– Ты подлый, жалкий вор!

– Я?!

– Ты.

– Хорошо! Тогда бери мешок и дуй назад. Подари деньги швейцару. Дуй, дуй! Хорошо, если наш богач не очухался и не предъявит тебе претензию, что в мешке нет большей половины денег. Ведь он наверняка уже что-то потратил, пустившись в разгул, забыла, в каком он был виде? Беги! И если он ещё не пришёл в себя, подставь его. Не швейцар, так мент захочет завладеть этим мешком, а пьяного лучше убрать. Да и нас с тобой, как свидетелей. Ты не боишься? Забыла, где живём?!

– Не все подлецы, Лёша!

– Зачем искушать судьбу?! Давай лучше посчитаем.

Он быстро и привычно начал считать, не скрывая брезгливости. Она знала, как он не любит считать засаленные купюры. Долго смотрела на него. Потом, смягчившись, тоже брезгливо взяла стянутую тонкой резинкой пачку. Наступила мёртвая тишина, в которой едва слышно улавливался подлый запах и шелест валюты. На гордом, патрицианском лбу студента выступили бисеринки пота. Наконец он закончил, просветлел и, тихо прошептал: «Мы спасены», обнял её и, нежно осыпав поцелуями, поднял на руки.

– Ты родилась в рубашке, Наташа. Хочешь полную ванну шампанского?

– Нет, просто помоем руки, – горько улыбнулась она.

– Я верю в провидение, – бросил он.

– А я в возмездие, – отрубила она.

– Фаталистка!

– Увы.

* * *

Сырой каверзник туман всё ещё окутывал город. И пока клубились фантомы ползучего пара, пока висело лохмотьями небо, спущенное до земли, медленно пришедший в себя игрок и банкир Белый тихо спросил:

– Где я?

– Дома, милый, дома.

Маленькая, худенькая женщина, опустившись перед ним на колени, ласково гладила руку Белого.

– Тебя привёз Федя, – тихо сказала она. – Ты снова играл? Говорят, ты вчера исчез, взяв огромный банк. Где выигрыш?

– Не помню...

– Ты мог погибнуть. Говорят, тебя подобрала какая-то молодая парочка, ты рисковал замёрзнуть!

– Это я помню. Белый такое не забывает. Позови Амбала!

Через минуту в комнату Белого вошёл огромного роста телохранитель.

– Пойдёшь к швейцару и узнаешь, как выглядели женщина и мужчина, которые затащили меня в Дом офицеров, – отрывисто сказал Белый. – Найди мне их.

* * *

А бедные студенты снова гуляли по парку, влюблённые, нежные, но несчастные, стараясь отогнать мрачное предчувствие возмездия. Ведь за всё рано или поздно придётся платить. И за быстро возвращённую квартиру, и за легко погашенные долги, и за предстоящее бегство на Кипр. Они старались не думать о грустном, отгоняя и отгоняя образ Белого, лежащего в луже, харкающего кровью и изрыгающего проклятия. Этот образ начинал потихоньку преследовать их, заставляя задаваться вопросом: кто он и что он? Где, как? Что это были за деньги? Грязные, чистые, кровавые? Меньше всего они могли предполагать, что деньги были никакие. Всего лишь очередной, заурядный выигрыш фартового игрока Белого.

И когда он возник перед ними, зловеще улыбающийся, как призрак, как продолжение их невесёлых дум, они вздрогнули.

Конечно, они узнали Белого. И ноги их подкосились. И синяя, льдистая, безлунная, но звёздная ночь овееала их тревожные лица влажным тоскливым ветерком. Конечно, Белый, в свою очередь, узнал их – яроглазого широкоплечего парня, тащившего его в руки швейцара, и хрупкую девушку с такими лохматыми жалобными ресницами. Он запомнил их возникшими из моря пара и исчезнувшими в море пара. Теперь их окружала синяя ночь, хвощами лесов архейских дыбились загадочные деревья парка. И колокол звёздного неба грозно гудел над ними.

– Я давно разыскиваю вас, – сказал Белый, и они снова вздрогнули от его мощного рыка. Голос казался вкрадчивым: – Вы спасли мне жизнь, и я поклялся отдать половину состояния своим спасителям. Дело чести.

Парочка недоверчиво переглянулась. Смертельная бледность заливала их лица, губы дрожали.

– Это провидение, Наташа, – сказал парень. – Ты всё-таки фаталистка.

Девушка закрыла глаза и покачала головой.

– Мы не можем принять от вас ни гроша, – еле выдавила она.

– Почему?! – изумился Белый.

– Такова наша религия, – солгала девушка.

– Тогда это очень сильная религия, – озадаченно посерьёзnel Белый. – Чем могу служить?

– Знаете что, пойдёмте-ка к нам на пельмени, – улыбнулась девушка, – ведь до Нового года... – она взглянула на часы, – всего четырнадцать минут...

– А если ко мне? – оживился Белый. – На Кипр, на яхту, на бутылочку армянского?!!

– К Вам?! – она обвела глазами окоём и тихо засмеялась, вспомнив приготовленные чемоданы для побега на Кипр. – Боже! Боже, какое небо! В такую ночь – хоть на Марс!

И они, все трое, запрокинув головы, увидели вдруг крупные, словно просеянные в решето, ясные Плеяды.

Мир вам, хижины всех обиженных!

ГЛУХАРИНАЯ ПЕСНЯ

1

Его девочка похожа на небо. Волосы – белые кудели облаков, в глазах – чистая синева. Она не знает, что он следит за ней. Она ведь – небо.

Но Вите почему-то кажется, что девочка знает и любит его. Она живёт за стенкой и наверняка слышит его музыку. Никто так не умеет играть на фортепьяно, как он!

Пусть Витя некрасив, уши лопушками, черты мелковаты, но он играет как Бог. Девочка выходит во двор и любит сидеть прямо под его окнами. Витя уверен, она приходит послушать его музыку.

2

Так пройдут две весны. Витя уже не тот гадкий утёнок, что был вчера. Он юноша. Хорошо сложен, бледен, у него обворожительная улыбка артиста. Витя сам сочиняет свою необычную музыку и песни. Он запоем пишет свои фантазии, наигрывает и поёт их снова и снова...

Незнакомка, ты слышишь? Интересно, как тебе эта музыка? Музыка влюблённого сердца! А его чистый голос, что посильнее, чем у Робертино Лоретти?

* * *

Белые кудели облаков с возрастом становятся пепельными, а лазоревые глаза – зелёными. Но это не мешает незнакомке стать ещё притягательней, ещё загадочней.

Она его хрустальная звезда. Её зовут Катя.

Завтра у Вити первый сольный концерт. В городе висят его афиши. Осень. Красные старые клёны бросили свои перчатки. Они, мудрые короли осенних красок, вызывают юного короля магии звуков на поединок.

Этот турнир будет исключительно во славу его дамы сердца.

Вялой сомнамбулой в полубомороке своей детской робости, Витя впервые стоит у Катиной двери, пытаясь уравновесить дыхание. Проходит целая вечность. Наконец, он нажимает кнопку звонка.

Дверь открывает ветхая старушка с крючковатым носом – Катина бабушка. Кати нет дома. Приглашенный билет попадает в дряблые старческие руки. Лицо у старушки доброе.

– Конечно, конечно, передам... Непременно передам, – скрипуче говорит Катина бабушка добрейшим тоном, но сама кажется озадаченной. – Только видите ли, сударь... Катя... вот послушайте-ка, что я вам скажу, – рассеянно бормочет старушка. – Понимаете... Ну, в общем, как бы это вам сказать... Катя почти глухая от рождения!.. Видите ли... но...

Витя застынет, как оглушённый. Он не услышит этого осторожного бабушкиного НО, её терпеливого долгого говора. Он просто остолбенеет от неожиданности и сам будто лишится слуха, дара речи и памяти.

Опомнится только где-то далеко на набережной, на скамейке под фонарём. Увидит свою афишу... Ах да! Завтра его первый сольный концерт, а ОНА – глухая!

Мир рухнет... Глухая! Глухая! И добрый знакомый пёс будет долго слизывать слезы с его длинных музыкальных пальцев.

* * *

Витя никогда не узнает, что Катя, не пришедшая на его первый сольный концерт, придёт на третий. Чудеса медицины. Чудеса родительской любви и терпения сделают своё дело. Катя станет слышать. Она не забудет о визите соседского мальчика-музыканта и будет долго хранить его пригласительный билет у себя. Она полюбит его и его музыку, но, увы, будет уже слишком поздно. В то время произойдёт сразу два нелепых тёмных случая, в которых прямо или косвенно окажется виновен Виктор.

Дело было так: к нему приедут двоюродный брат, двое одноклассников и его лучший друг, прославленный музыкант Влад Саровский. Немного покутив, полные сил и здоровья молодые люди отправятся на рыбалку. Кто из них вдруг спонтанно решит ловить рыбу браконьерским способом, останется за кадром. Но именно Влад Саровский бросит в запруду электрический кабель под напряжением. Когда убитая рыба всплыла, юноши поспешили её собрать, забыв отключить орудие преступления. В результате Влад Саровский, бросившийся в воду первым, примет участие собственного улова. Остальные почти не пострадают, однако, пытаясь реанимировать друга, попадут в руки правосудия раньше, чем поймут, во что вляпались.

Скрипач Влад Саровский, прославленный виртуоз и сын мэра города, единственный ребёнок в семье, погибнет накануне получения премии имени Моцарта и спустя месяц после своей свадьбы. Дело примет широкую огласку. Виктору откажут в поездке за границу, ославят на страницах жёлтой прессы, назовут скороспелым дутышем и пустоцветом.

В те дни следователям не удастся доказать вину Виктора, хотя все вокруг упрутся на одном и том же жестоком вопросе – почему блистательный скрипач Влад Саровский мёртв, а неизвестный пианист Виктор Доля остался жив? Не повторяется ли история Моцарта и коварного Сальери? Почему Влад зашёл в воду, а остальные замешкались? Чьей была идея браконьерства, если пригласил на рыбалку ребят не кто иной, как Виктор Доля?!

Пресса, въедаясь и подмечая, раздует скандальную шумиху вокруг пианиста и уничтожит его будущее, имя, а может быть, и талант.

Это будет ещё одно потрясение, удар, после которого Виктор не поднимется.

Он уйдёт в запой и будет пить без просыпу три года, пока не заболеет.

Образы глухой возлюбленной и убитого током друга станут посещать его ночами в белой горячке. Он будет пробовать писать музыку, но вдохновение покинет его.

– Я ненавижу музыку! Если бы вы знали, как! Я! Не-на-вижу! Музыку! – в припадке одиночества и отчаяния скажет он себе и родителям и забудет Катю, вернее, постарается вычеркнуть её из памяти навсегда, поскольку память о ней болела, как птица с отрезанными крыльями.

Он больше никогда не сядет за фортепьяно, ведь многие сочинения были посвящены Кате и самому безоблачному, счастливому отрезку его жизни.

3

Увлечение музыкой и первую любовь Виктор вспомнит лишь через пять лет, когда, будучи уже почти зрелым мужчиной, начнёт писать феноменальные рассказы о природе.

Свои удивительные сюжеты, как это ни странно, он станет писать исключительно ради одной красивой женщины, которая была не только дамой его сердца, но и главным редактором издательства.

Мечтательная, сероглазая женщина с пепельными куделями волос-облаков чем-то сильно напоминала Катю, она даже грассировала как Катя.

И снова, будто в своём наивном отрочестве, Виктор страстно верил, что, покорив сердце многих читателей, он покорит и эту необыкновенную женщину, сделает её своей поклонницей, не оставит равнодушной.

На достижение цели уйдут бессонные ночи, голубые зимы, неповторимые весны...

Каково же будет его изумление и горькое чувство утраченных иллюзий, когда он вдруг с разочарованием поймёт, что издатель не читает рукописи своих авторов!

— Ваша рукопись одобрена, подготовлена редактором Томой Копытовой и поставлена в план издательства, — холодно и подчёркнуто вежливо скажет любящая женщина ему в своём и без того гнетущем помпезностью кабинете. — Издадим, но за большой гонорар не ручаюсь, инфляция, кризис, сами понимаете.

— Вы... вы не читали?! — с замиранием сердца воскликнет он, смутно надеясь на обратное.

— Нет. Но... редактор, знаете ли... в восторге. Этого нам вполне достаточно, — отрежет она.

Тем временем по вновь обнаружившимся обстоятельствам будет ещё раз открыто уголовное дело Виктора пятилетней давности. Правосудию удастся доказать вину подсудимого в том давнем запутанном деле. Ему дадут три года колонии общего режима.

«...Какая абсолютная, абсолютная глухота! Глухота и пропасть между нами!» — уже лёжа на нарах, горько вздохнёт Виктор.

Вспоминая прихотливо выточенный профиль несужденной своей, он обзовет её каменной бабой и проклянет незадавшуюся судьбу. Загнанное в тупик сердце болело, жгло и плакало. Это обстоятельство повергло бы его в новые запой и отчаяния, но тюрьма спасёт его жизнь и талант. Где, как не в тюрьме, уйдя в свою боль, муку и весну воспоминаний Виктор написал бы такие пронзительные рассказы о первой любви, волшебной долине вдохновения, верности и предательстве

Но он зарёкся любить...

Не будучи Казановой и обольстителем, наш герой, наверное, так никогда и не понял, что глухота была обоюдной... Вряд ли «токующий глухарь» думал о достоинствах и душевных сокровищах самочек, каких тщетно пытался завожить своим пением. Ведь... женщины любят за любовь — вопреки обратному мнению мужчин. А он любил лишь свою глухариную песню, обращённую к ним.

...Его первая любовь Катя Казарова так и не найдёт его, хотя будет искать долго и терпеливо, помня его потрясающие концерты и проклиная время своей глухоты. Он просто не захочет свидания с ней в тюрьме. Прекрасная издательница так и не прочтёт его книги. А друзья все до одного забудут его, как надменного Кая в плену ледяного королевства под названием Одиночество.

ОДИНОЧЕСТВО

Ангел

Который день мне снится этот сон... Я и ты в лазарете. А может быть, это пансион для престарелых. Но пока ты со мной, мне и в этом убогом казённом большом доме тепло, до наива хорошо, весело и безопасно. Есть какая-то поэзия и здесь, в этих неуютных перенаселённых комнатах. Счастье таится на

убогих столиках у кроватей; там – какие-то блокноты, ручки, вазочки с цветами, старые книги, солнечные пятна. Оно есть и в широких гулких лестничных пролётах с массивными перилами, где в художественной ковке присутствует какая-то скупая красота и тоже – солнечные блики, отсветы, косые лучи мутного от пылинок света.

И вдруг мне говорят, что ты ушёл с другой и больше никогда не вернёшься.

И вот я – наивный, счастливый вечный ребёнок без возраста, хотя и смутно, но ощущаю груз своих лет, сиротство, страх одиночества и пустоты. Это со мной впервые.

Ко мне пристаёт компаньонка и пытается заботиться обо мне. Я никак не могу поймать её взгляды. Мне страшно, тоскливо от предательства и утраты. Нет ничего страшнее этой утраты. Солнечный пансион превращается в сумрачный затхлый портал. Он пуст и угрюм. Люди-тени. Тускло. Печальные, тесные койки не в счёт.

И вдруг сквозь сон ко мне в кровать, словно воробышек, пицтит и врывается эсэмэска. Полусплю, полуплачу, читаю как продолжение сна: «Твою любовь – любовью защищаю». Без подписи.

Ангел ли небесный узрел мою тревогу во сне? Или это наяву... «Твою любовь любовью защищаю».

* * *

На миг проснувшись, я улыбнусь. Ангел... Шесть утра... И снова провалюсь в сон... Море, крики чаек. Кутурга. На самом берегу милая хижина смиренного рыбака. Мы там живём. Уже протекли века. Твою любовь – любовью защищаю.

Взлёты и падения

Склоняюсь к мысли, что моя судьба чем-то похожа на судьбу отца. Оба отшельники, в душе странствующие поэты, искатели приключений, бога, девственной красоты природы. Только отец искал ко всему прочему счастья, мечтал найти алмазы смысла жизни, а я ищу алмазы в словесной руде.

Оба мы извели взлёты и падения. И каждому порой казалось, что он погиб. Но небо снова и снова благоволило нам, поднимало из тьмы и бездны. Поистине, от титульного человека до отшельника один шаг. И наоборот.

Говорят, что у поэтов, как и у торгашей, воров, пьяниц, артистов, политиков и религий, есть свой эгрегор. Чем мощнее эгрегор, тем больше покровительства он оказывает своему рабу, чем больше отдаёт раб, тем больше получает. Эгрегоры бывают злые и добрые, тёмные и светлые. Например, эгрегор пьянства может убить своего раба за предательство. Случалось ли вам увидеть смерть ослабленного или бросившего пить человека в нелепой и неожиданной катастрофе, смерть на взлёте. Мне – да. Эгрегоры соперничают между собой. Фанатизм и войны с именем бога на устах это не глупость человечества. Это борьба эгрегоров за свою мощь. Самый большой эгрегор среди религий – христианский, на втором месте мусульманский, дальше буддийский и т. д.

Подозреваю и вижу мощь эгрегора пьянства, мощь эгрегора золотого тельца, мощь эгрегора агрессии и противостояний, зла, войны, мракобесия, жора, жадности и стяжания. На этом фоне эгрегор бескорыстного творчества самый светлый и самый сильный по излучению, но не самый большой. Увы.

Эгрегоры любят своих преданных сильных рабов и покровительствуют им.

Не надо загадывать вещий сон в ведьмином круге. Ты можешь обратиться с просьбой о вещем сне к своему эгрегору. Условие одно – твоя мыслеформа должна быть совершенной, желание искренним и сильным, просьба оправ-

данной и необходимой. Если ты точно знаешь, что твой эгрегор покровительствует тебе, то можешь даже задать ему вопрос. Ответом будет сон во сне.

Я не фанатик и живу по принципу: «не верь, не бойся, не проси», но я не атеист, ибо допускаю и то, и другое, и третье, то есть верю, боюсь, прошу, когда по-другому нельзя.

В сентябре две тысячи шестого года, вольно или невольно, я заказала своему эгрегору вещей сон, поскольку один блаженный друг мне нагадал пиковую зенитную точку на фабуле жизни. Он составил и принёс мне звёздную карту моего прошлого, настоящего и будущего, и я увидела там подтверждение всему, что было, что прошумело: и трудное детство своё, и суровых родителей, и ранний уход из дома. (Как тут не верить?)

В идеале: звезды должны были наделить меня лицом ангела с живым взглядом, мягким голосом, ясностью мышления, утончённым вкусом, благородством, стройным грациозным телом и долгой неувядаемой молодостью.

Вне идеала же звёзды предрекали мне сильный характер – смесь ангела и дьявола, честность, ненависть к фальши и театральности (вот почему я не стала артисткой), свободу от материального мира. Кроме того, увы! Звёзды обещали мне любовь к шокирующим и скандальным поступкам, отсутствие зависти, расчёта и любви к роскоши.

Однако они грозили мне страшной ловушкой, каковою могла стать моя жажда престижа. Наконец, звёздная карта подтверждала моё честолюбие, бурное воображение, триумф и конфликт с миром на поприще искусства, а также судьбу титульного человека.

Что же во мне титульного, засмеялась я и вдруг задумалась. А ночью приснился странный сон, будто работаю я в большом Доме издательств на улице Абая – Гагарина (именно так потом и случилось) и при этом, имея нешуточную должность, с ужасом осознаю, что опаздываю, а то и вовсе не хожу на работу по причине пробок на дорогах и несоразмерно малого для дела коллектива. Бремя ответственности давит, и я говорю боссу: «Если хотите, чтобы работа была выполнена в срок, не требуйте с меня дисциплины...» И меня никто не преследует за пропуски. Я работаю дома, всё успеваю, однако смертный ужас человека сталинского режима (отцовские хромосомы) терзает меня во сне. Я жду суда, провала и загубленного дела, жду расплаты за нарушение трудового закона, жду краха и просыпаюсь в холодном поту...

Если бы мне в то утро кто-нибудь сказал, что я – человек сенситив и видела всего лишь реальный фрагмент будущего из своей жизни, я бы от души рассмеялась.

* * *

Теперь же, когда всё позади и свежий бриз прекрасной свободы овеивает меня снова, хочу вспомнить ступеньку за ступенькой лестницу своей судьбы, судьбы невольницы чести, судьбы бремена титульного человека.

В молодости, с лёгкой руки провидения, муж, если вспомнить мой рассказ «Ведьмин круг», ушёл в «Белый дом», где был инструктором ЦК по печати, а я, стало быть, первой леди в писательских кругах. Тогда я об этом не думала. А сейчас почему-то пришло в голову...

Хочешь не хочешь, со мной считались, уважали, распахивали двери, иногда боялись. Потом он стал генеральным директором государственного издательства, снова первая леди в писательских кругах, непотопляемая, вызывающая сложные чувства, но только не желание приткнуться. Представляю, как... даже в те добрые старые времена мне пришлось бы туго среди писательской братии с их жестокими инстинктами и кипячёной ревностью, о которых писал ещё Курдаков.

*Топи, топи меня, наставник мой.
Ещё ты можешь голыми руками
Приткнуть меня к любой помойной яме
И покачать печально головой.*

*Иначе, над тобою возмужав,
Тебя я утоплю и буду прав...*

В тяжёлые годы второго тысячелетия муж основал своё издательство, и я стала главным редактором собственной фирмы. Снова вроде как первая леди, титульный человек, широко известный в узких кругах. Плюс навязанный мне поклонниками титул мэтра.

* * *

Путеводная звезда планиды капризничает на небе, ошарашивая странными новостями.

Позвонили от имени некоего босса и попросили все мои книги и публикации.

– Зачем?

– Надо... На высочайшем уровне!

– Неужто на премию выдвигают?

– Чудачка, на премию в наши смутные времена выдвигают себя сами.

Бери выше.

Пожав плечами, нехотя отдаю книги, журналы, вырезки публикаций.

Через неделю в шесть вечера звонок. Босс представился... Сделал паузу и... предложил мне пост главного редактора старейшего в стране художественного журнала.

По логике вещей подобало бы с гневом бросить трубку и возмутиться. «Да за кого вы меня принимаете?! Пахать? Да ещё в журнале, который не выиграл в этом году тендер, журнал-иждивенец, безгонорарный, дышащий на ладан?» Но я спрашиваю голосом Батыркыз:

– Что? Больше некому? – и голосом отшельницы Фёклы удивляюсь: – Нет более достойных писателей?..

– Я прочитал ваши книги!.. Когда погрузился в прозу, был восхищён. Стал читать стихи – заплакал, – дипломатично и твёрдо начал босс. – Вы суперталантливый человек. Человек высочайшей духовной мощи.

– Реанимируйте это пепелище сами, я не потяну, – воскликну я сразу.

– Потянешь! Рискнём. – Ещё твёрже перешёл босс на «ты». – Цены себе не знаешь...

– Я подумаю! – желая гибко отвертеться, быстро отвечаю я, с тайным любопытством, словно со стороны наблюдая, как хитрит мозг, мириады его нейронов и опыт предков, как восстают и изворачиваются лень и трусость.

– На раздумье у тебя один вечер – непреерекаемо отрезал босс. – Пора срочно делать новогодний номер. Опаздываем. Одно «да», и я немедленно подписываю приказ.

– Хорошо, я подумаю, – я положу трубку.

* * *

Предлагать работу в дымном душном квартале города отшельнице, которую поэт Соловьёв когда-то назвал к тому же Исык-Кульской Ихтиандрой, это всё равно, что предложить Человеку-Амфибии выйти надолго из бочки с водой! Ведь что такое мой загородный дом у каньона в гнездовье вихрей ле-

том? И что такое моя квартира в Горном Гиганте зимой? Спасительные бочки с водой, где можно кое-как дышать... Не Иссык-Куль, конечно, но всё-таки. А с другой стороны, какому убитому писателю не хотелось бы воскреснуть? Хотя бы для того, чтобы взглянуть на ярость зарвавшейся братии, скрытую фальшивой улыбкой? Воздать за погубленную литературную судьбу? Во мне заговорит унылый прагматик.

Сырое дыхание из открытой форточки не сделает мои мысли трезвее. Я ничего не приукрашиваю и не сочиняю, для остроты сюжета мне хватает фактов и причуд судьбы.

Ночью я спрошу у Гирея, как быть.

— Соглашайся! — озадаченно посмеиваясь и зевая сквозь сон, ответит муж. — На иномарке будешь ездить... э-э личного шофёра иметь... Не бойся, летом помогу.

— Как у тебя легко всё! Уж не ты ли порекомендовал меня, яхонтовый? Да ещё человеком высочайшей духовной мощи назвал — вот это любовь, я понимаю! — хохотну я. — Босс ведь не знает меня.

— Увы, не я. Это профессор Тлепов считает, что у тебя самая светлая голова среди нас, — в голосе мужа послышался смех, смешанный с ревностью и неподдельным интересом. — Со мной ты не человек, со мной ты — кентавр. Не бойся. Кому многое дано, тому дастся ещё больше.

* * *

Так я стану главным редактором журнала.

— Но не более года, — дам себе твёрдый зарок. — Жизнь слишком дорогая штука, чтобы угробить её над кучами чужих рукописей.

— Правильно, — поддакнет Гирей. — Вполне достаточно, хотя бы потому, что как президентов страны, так и редакторов художественных журналов бывших не бывает.

* * *

Буквально через пару месяцев я получу ещё один титул. (Мне он не нужен.) Титул члена государственной комиссии по присуждению госпремий.

Затем я выиграю тендер для журнала (целых два гранта), а значит, выиграю жизнь русскому журналу, который твёрдо намеревались закрыть как нерентабельного иждивенца и захребетника.

Итак, библиографическая справка: впервые за семьдесят четыре года жизни главный литературно-художественный русский журнал Казахстана возглавила женщина! Выиграв два гранта, она выиграла дальнейшую жизнь русскому журналу, с честью справлялась с работой более года и добровольно подала в отставку...

Просыпаюсь утром и впервые прихожу в восторг от чувства, что бремя таланта не давит. Голова до прелести пуста. Свободна. Незнакомое глупое счастье. Подобие полёта ласточки, грёзы странствий.

Однако наедине с нежным партнёром (всё ещё нежным) вдруг ощущаю... всего того, что являлось вершиной наших отношений, многолетнего очарования и неизбывной верности — мало... Что-то исчезло вместе с бременем таланта. Ничего — кроме ощущения бесконечной свободы, фантазий и впадения в детство...

— Здравствуй, я Олеся Пшено, — говорю я ему, — ваш инструктор по плаванию, а вы — Кир Кирыч?

— Да, — наивно впадая в мою авантюру, отвечает он.

Рухнувшие вершины восстанавливаются. Игра воображения уносит нас на знойные пляжи Мадагаскара. Мне семнадцать, ему двадцать пять.

...Снова вспомнится мой семидесятидвухлетний отец, возвратившийся однажды из долгих скитаний, чтобы перевести дух ко мне, в Алма-Ату, а может быть, и осесть под крылышком у дочери.

С первых же дней он начнёт пропадать из дому. А однажды и вовсе не вернётся ночевать. Я очень обеспокоюсь... Однако вскоре увижу на столе возле кровати, где спал отец, газету с брачными объявлениями и жирно подчёркнутый красным карандашом следующий текст:

«Женщина, 67 лет, сексуальная, золотой характер, познакомится с женщиной, не старше семидесяти двух лет».

Через три дня сексуальная, с золотым характером позвонит мне.

— Здравствуйте. Вы, наверное, совсем потеряли дедушку... А он у меня... Я теперь его никому не отдам! Не беспокойтесь, скоро он придёт за вещами...

Я пожму плечами, вздохну. С досадой поморщусь, отметив тот факт, что отца впервые назвали дедушкой не внуки, а пожилая чужая женщина. «Никакой он тебе не дедушка», — ревниво подумаю я. И тут же услышу звонок в дверь.

Отец стоял стройный, подтянутый, с буйными кудрями посеребрённых слегка волос и смущённо улыбался. Глаза голубые, как дым, всё ещё красивые, живые, как у ребёнка.

— Ну и как? Действительно с золотым характером?..

— Угу... — заговорщицки подмигнув, кивнёт отец.

— И что, неужели и правда сексуальная?

— Огонь-баба оказалась!

— И чё? Влюбился? Понравилась тебе?

— Да она-то понравилась... Да я себе... сам... не понравился... — затащил отец знакомую песню...

Женщина с «золотым характером», не дождавшись отца, вскоре придёт сама и раскрашенная точно египетская мумия, расфранчённая, как Элизабет Тейлор, крепко вцепившись в свой лакированный ридикюль, снова повторит свою жёсткую фразу «Я теперь его никому не отдам» и уведёт отца с собой. Надолго.

* * *

...И вот проснувшись сегодня утром, впервые лёгкая и свободная от бременей забот и желаний, я повторю фразу, над которой ещё недавно так потешалась: «Нравится абсолютно всё, да вот я себе... не...»

Перед глазами всплывёт теперь уже семидесятидвухлетняя моя мать, приезжавшая накануне. Вот кому вообще ничего и никто никогда не нравится... Переночует у меня всего одну ночь... Обзовёт меня дрянью и пухлой старухой и, сказав, что выглядит лучше меня, немедленно пожелает уехать...

Надо покупать тренажёры... И дать себе зарок: никогда не высасывать из пальца трагедь, как ма.

* * *

Было много мне в жизни от Бога,

Было много от сатаны.

А теперь у родного порога

Только ласковый ветер с луны.

Хорошо мне сквозь заросли думки

Видеть дымку сгоревших времён.

Ах вы старые, дряблые сумки,

Что вы бредите белым конём?..

*Не скакать мне по макам и мяте,
Руты красной в лесах не найти.
И на русскую землю, где братья,
Мне не видно в тумане пути...*

Я почему-то люблю это забракованное и исчёрканное редактором стихотворение. Это ещё один мой параллельный мир – сладкие грёзы о русской прародине, где живут отец, мой брат Игорь Шиленко, Вася и Миша Свистуновы, Витя Свиридов, и Саша Попов – двоюродные. Живут там давно мои родные тётки, двоюродные сёстры Спиридоновы и племянники, кто-то уехал в девяностые, кто-то недавно.

«Удавка» творческой обстановки в Казахстане не прибавляет любви к городу, где прошла молодость. Зовут братья на батьковщину.

– А ты думаешь, там лучше? – спрашивает муж. – И там такая же душилка. Кто сел, тот и съел. Да заедают так, чтобы не пропихнулось в глотке.

– Неправда. Там есть альтернатива.

– Вспомни лучше поверье о василиске, который рождается из двухголового цыплёнка. Тебе не страшно, что этот двухголовый уже не цыплёнок, но орёл, восставший из пепла, как птица феникс?

Грех осуждения

Кем-то умело разобшённые, теперь уже навсегда, мы стояли на перроне Белгородского железнодорожного вокзала с нетерпеливо провожающим меня братом, насилу оторвавшимся от интернета. В угоду жене он тужился, избражая холод.

– Брат, отец уходит, ты будь с ним поласковой, – скажу я ему на прощанье.

Брат кивнул. Но его уже не было. Он смотрел отсутствующими глазами. Отголоски вселенских сплетен, страстей, шквалов лжи и мусора захлёстывали душу братишки, которого я так любила когда-то. Неужто это тот голубоглазый белокурый ангел, которого я носила на закорках, мой брат?.. Мы так и не поговорили. Было ему тогда сорок девять лет.

На заурыдном лице снохи Наташи была написана досада из-за потери времени, досада и злость: «Что вы с нами делаете! В следующий раз подумайте хорошенько, прежде чем отправляться в такую даль, вы же умные люди!» Казалось, ей было жаль не только времени, но и угла, города и всей России... для нас.

Я слишком хорошо знала и читала её мысли и вздохи на расстоянии: «Ездят тут всякие!..» Это убило гормон приязни и любви в моём брате. Это убьёт его через пять лет самого. Но я об этом ещё ничего не знаю.

* * *

Мне вспомнилось, как Наташка девчонкой лет одиннадцати лазала по сливовым деревьям, мяукала и всем своим свежим правильным личиком обещала стать умницей и красавицей. Мы были соседями в Урюковом переулке в городе Фрунзе. Девочка из бедной семьи, дочка грубоватых, работающих родителей, она, простоявшая всю свою сознательную жизнь заспанным холуём у мужа, теперь отвоёвывала право изображать из себя леди!

Чванливо принятые подарки из лучших фирменных магазинов леди из Урюковского переуллка бросила на край стола, вытянула шёлковую нитку из изделия, и эта нитка изо дня в день свисала со стола, демонстрируя пренебрежение хозяйки. Кимоно, которое я видела по телевизору на жене Тото Кутуньо,

Наташе показалось, видимо, недостаточно дорогим, а прогулочные босоножки оскорбительны для леди, которая недавно научилась водить машину. Леди с Урюковского переулка умела водить авто, а может, и яхту, но такт ей был пока недоступен. Я вдруг увидела, что в доме брата, в котором я так мечтала пожить рядом с отцом, хотя бы месяц, меня постоянно ставят на место лишь затем, чтобы показать, что здесь всё толще, круче, лучше, достойнее. В каждой фразе леди из Урюковского переулка был особый подтекст, намёк, кураж.

Вероятно, Наташа смотрела на меня глазами некоего старого осуждения или зависти, и ей хотелось победить этот позорный грех.

Лучший способ покончить с грехом осуждения и зависти – это унизить предмет осуждения и зависти. Леди с Урюковского переулка это удалось с блеском.

Она протянула мне на прощание флакон с косметикой, которой я не пользуюсь, и, стараясь во что бы то ни стало быть умнее меня, произнесла:

– Оля, я люблю делать правильные подарки!.. Желаю тебе...

Я стояла отягощённая деньгами на покупку недвижимости на батьковщине, но Белгород больше не казался землёй обетованной. Город скукожился. Запахло провинцией.

В который раз мне дали понять, до какой степени здесь наплевать на мои знаки внимания.

Зачем вообще сытым и обожравшимся знаки внимания? Для чего им такие большие дома, в которых тесно сёстрам?

Прав был Пьер Буаст, который сказал: «Бедняк лучше наслаждается розой на своём окне, чем богач своими обширными садами».

И ещё: «Когда некогда любимые нами люди уходят от нас допреж смерти, я вижу в этом божественный промысел – не так будет больно узнать об очередной трагической гибели того или иного, ибо тяжкая чаша утрат переполнена до краёв и уже невыносима».

Нирвана

Каждую весну, едва я появляюсь на даче, соседские кошки покидают своих хозяев и переселяются жить ко мне. Секрет их любви ко мне прост. У меня в доме пахнет рыбой. Я сама как кошка люблю рыбу, особенно селёдку. А кошки за один только этот запах готовы отдать душу.

Ещё... кошки любят чистоту и порядок, цветы, стриженную травку и подметённые дорожки, и дворик. Они обожают валяться на мытой террасе, нюхать цветы и любоваться закатом. Они ничем не отличаются от меня в чувстве эстетики. Очень радуются, когда я навожу уют вокруг, принимают в этом участие, крутятся у ног, или внимательно наблюдают, как я это делаю.

Кошку, которая приходит от соседей, что с северной стороны, зовут то Ксюша, то Наташа Королёва, то Афа. Кота же, который приходит от соседей с южной стороны, зовут Миша Дымчатый, он же Барсик. Имён так много оттого, что много хозяев. Одно имя – от меня, другое от истинных хозяев, третье от мужа.

Кошки-гости, переселяющиеся ко мне жить на всё лето и всю осень, очеловечены и возлюблены за то, что с давних пор показали свою исключительную потребность в усадьбе. Время от времени они устраивают крысиные побоища. Или гордо и важно проносят по саду вяло свисающую белым брюхом гадюку. Или ловят в доме надоевших сороконожек, сверчков, зелёных кобылок.

Единственное, за что я не одобряю кошек, так это за поедание на подоконниках красивых пёстрых бабочек. Вот бабочки мне не мешают.

Я энтомолог, изучаю это царство летучих цветов, просто так.

И вот какое чудное открытие приходит ко мне с годами. Оказывается, золотистых бабочек в мире больше, чем красно-пёстрых, а красно-пёстрых и

зелёных больше, чем голубых. Судите сами: голубых – зерновая огнёвка, голубянка аргус, да голубянка серебристая. И всё. И то маленькие, без особых узоров и затейливости, а вот жёлтых, рыжих, песочных, палевых, охристых – не сосчитать. Видно, на золотое и рыжее вдохновения больше у природы!

Вот она, вот она!.. Перламутровка полетела. Оранжевая, в чёрную крапинку, отливая зелёным перламутром, ближе к августу становится крупной, почти как махаон, иногда даже, чудится летучая мышь или пичуга пронеслась.

А вот траурница чёрная, словно жёлтыми лентами по краям крыльев расшитая. Ишь ты, будто на бал собралась! Ну куда, куда вам за ней, простушки-желтушки деревенские – почти капустницы колхозные!? И тебе скромняга, маленькая сеница, да и тебе червонец огненный... куда вам до этих красавиц?

Люблю дивиться на изысканную уютную бархатку. Жёлто-умбристая, на верхних крылышках два больших рыбьих глаза со слёзкой и шесть маленьких на нижних. Что прожилки, что полутона – нежнейшие и толстый-толстый слой бархатной пылицы. Я её зову барыня. А вот он гений чистой красоты – белокружевная зорька: верхние крылышки, словно в закатный багрянец кто обмакнул – апофеоз живому.

Ночью прилетают к абажуру ночные бабочки совки, травяной и дубовый коконопряды, серпокрылки, невзрачная стеклянница, пяденица пантера, а порой здоровенный бражник «мёртвая голова». Так среди ночи начнёт хлопать крыльями где-нибудь в торшере, или за вешалкой, или занавеской, что не даст уснуть, пока не найдёшь его и не выгонишь в открытое окно. Опять же: все охристые, желтоватые, золотистые. Не встречался мне только ночной павлиний глаз, да пёстрые медведки – ночные бабочки детства. Реже прилетает бабочка под названием красная орденская лента, здесь она куда крупнее, чем обычно, собственно, как и пёстрая бабочка ларенция-пяденица – вся сплошь в чёрно-белых узорах, в здешних местах она величиной с переливницу, большая и глупая, если уж залетела в окно, ума в форточку вылететь не хватает. Вот и хрумкают их жадно кошки-гости, не дают полюбоваться.

Был у меня в детстве гербарий. И были в нём собственноручно пойманные на Балхаше дивная дневная бабочка павлиний глаз, бабочка махаон и бабочка адмирал. И очень мне хотелось бабочку махаон переименовать в бабочку фараон, поскольку казалась она мне самой царственной, самой золотой и огромной, с синими глазами на крыльях.

Приходилось видеть потом иноземных экзотических бабочек и роскошных бабочек Алтая, аполлонов, но наши скромницы червонцы да крапивницы, лимонницы да пяденицы почему-то милей. Может, потому что с детства рядом, как односельчане. Даже песенку помню:

Бабка-липка, улети на небо,

Там твои детки кушают котлетки...

А и то сказать, вылупилась бабочка из кокона, вчера только младенец новорождённый, а сегодня уже бабка, жить осталось всего-ничего, неделя, две...

* * *

Ещё ко мне приходит чёрный-пречёрный кот Иван, которого так и не довелось приручить. Он приходит в семь утра, когда я ещё сплю, чтобы «навести шорох». Толчется за открытым окном на куче сухого хвороста, в котором застряли мощные прошлогодние листья орешин и очень громко и терпеливо наводит этот самый шорох, показывая, кто на территории хозяин.

Его как огня боится Миша Дымчатый и уважает Ксюша, то бишь Наташа Королёва, кстати, действительно похожая на певицу Наташу Королёву своим задорным видом и разрезом глаз.

Ксюша и кот Иван любовники. У них второй год рождаются котята, похожие на Ксюшу своей золотисто-серой узорчатой мастью, но такие крупные, как их отец Иван, с золотыми глазами. Сама Ксюша зеленоглазая, томная и небольшая.

Миша Дымчатый любит Ксюшу, и у него есть преимущество перед котом Иваном. Дымчатый расхаживает смело по моему дому, чердаку и мансарде, норовя урвать немного запретной любви с Ксюшей, за которую будет потом жестоко бит Чёрным.

Чёрный очень крупный, красивый и заматеревший кот. Ксюша безоглядно любит его и только его. Дымчатый по сравнению с котом Иваном – молодкосос. Настоящей любви с ним у Ксюши не получается. Миша неопытен, молод, неловок и, главное, не любим. Однако, целуясь и заигрывая с Ксюшей, Дымчатый оставляет на её шёрстке улики – свой запах, за что бывает нещадно бит, порой чуть не до полусмерти.

Бывает, что приходит Дымчатый то с рваным ухом, то с вырванным клочком мяса из ноги, то с разодранной бровью, то хромой, то с заплывшим глазом, то нервный до истерики, то просто грустный. И ему ничего не остаётся, кроме любви ко мне.

Ночами, когда я абсолютно одна, Миша Дымчатый врывается в мою спальню в окно и незаметно, крадучись, норовит улечься ко мне в постель. Странно, что он этого никогда не делает, если в доме ночует мой муж. Видимо, понимает, что дама сердца занята и он имеет на неё право только в отсутствие благоверного.

Днём, когда я бываю абсолютно одна, Миша Дымчатый ходит за мной по пятам по всей усадьбе. Поймав мышь, долго хвастается, подбрасывая её как мячик и ловя двумя лапами, а когда мышь замученная, почти перестаёт шевелиться, несёт её к моим ногам, предлагая угощение. «Смотри, какая нежная и душистая, почти ещё мышонок», – словно говорит Миша Дымчатый, умоляюще заглядывая мне в глаза.

Убедившись, что я отказываюсь от угощения, он принимается за трапезу сам.

* * *

Миша добрый кот и удачливый охотник. По словам соседского мальчика Коли Сон, на счету кота сорок крыс, две змеи, четыре крота и куча мышей, это только то, что видели воочию. На самом деле, думаю, что на счету Дымчатого куда больше крыс, наверняка есть сурки, фазаны, перепёлки, сороки, шпаки, воробьи... Неудачливый и одинокий в любви к серенькой Ксюше, он баловень судьбы в охоте. К тому же его любит хозяйка дома, где он обожает гостить всё лето и осень. Его обожание ко мне сходно с обожанием волшебного тигра-пажа. Это надо видеть, как в припадке нежности, встречаясь со мной где-нибудь в саду на тропинке, он падает в ноги, расплывается, как шкурка, и урча и повизгивая от ласки, жмурит свои ониксовые, глаза. Это продолжается уже четвертое лето. Почти также ведёт себя кошка Ксюша и её котята, когда подрастают.

Надо ли удивляться, что охраняемая преданными маленькими тиграми в образе кошек, я не боюсь жить одна в горах, в домике-бигле, зависшем между небом и каньоном.

Гипербола жизни

Ксюшу укусила оса. Два дня она не показывалась на глаза. Видать, перемогала боль, а может быть, стеснялась опухшего глаза. Но голод не тётка. На третий день распухшая кошка смущённо появилась в дверях. Именно смущённо, – если вы думаете, что звери не стесняются своей обезображенной внешности, то зря.

Ксюша, неуверенно застыв на пороге, внимательно изучала моё выражение лица. Обычно она заходила в дом без колебаний и гордо шествовала по коридору, как истинная царица зверей. Теперь она стояла нерешительно на пороге и чутко ловила мои вибрации, звуки, мимику лица.

– Бее-дная! – с надрывом, ласково, чуть не плача воскликну я. Поглажу серую спинку кошки, возьму на руки и стану всматриваться в её опухший глаз, которого не было видно. «Бе-едная, бе-д-ная», – буду твердить я, лаская Ксюшу и всеми фибрами души содрогаясь от жалости к ней. Естественно, ей полагалось блюдце со сметаной и кусочек жареной рыбы.

С этого дня начались чудеса в решете.

Ксюша, которая поправилась уже через два дня, почувствовав, что она больше не производит должного впечатления и её ясные, открытые, как два берилла, глаза не вызывают той любви и сострадания, снова окривела на один глаз.

– Бе-едная! Опять? – вскричу я, лаская Ксюшу и сочувствуя ей всем сердцем. Чего только она не перепробует из моих запасов. Я скормлю ей три блина с маслом, три вареника с творогом и жареную рыбку голову.

Я не сразу замечу, что заплывший глаз Ксюши на этот раз не спешит раскрываться. Мудрено ли ходить полторы недели с опухолью от укуса осы?

– Может быть, тебя шершень укусил? – с неудовольствием скажу я Ксюше. – Да ещё трупный яд какой-нибудь занёс? Вот некрасивая ты будешь – кривая?!

Говорят, что хорошая, породистая собака имеет интеллект четырёхлетнего ребёнка. Встречаются собаки и поумнее. Например, в школе овчарок, обучающихся для службы в доме у одинокого слепого человека, овчарка с интеллектом семилетнего ребёнка получает сразу отставку. Она будет очень хорошо служить слепому инвалиду, ходить с сумкой за продуктами, сопровождать хозяина на прогулки, подносить тапочки, носить записки родственникам, однако её незаметная хитрость, а именно – осторожное и систематическое обкрадывание инвалида рано или поздно будет замечены. Слишком умная!

Интересно, каков самый высокий интеллект у кошек? Думаю, что бывает и выше, чем у собак.

По выражению лица и по интонации в голосе Ксюша мгновенно уловила моё огорчение. Кошачий глаз немедленно приоткроется. Теперь она станет делать паузы между «укусами». Пройдёт три недели, прежде чем Ксюша, старательно щуря глаз, снова забредёт ко мне в столовую, внимательно наблюдая за произведённой реакцией.

– Бедная! – с сомнением скажу я и тут же про неё забуду. А вечером и во все не угощу ничем – за лицедейство и враньё. Вскоре Ксюша перестанет напрыгаться и корчить из себя кривую на один глаз. Она повторит эксперимент ещё через месяц, уловит, как все насмеются и покатываются со смеху, и прекратит свои смешные уловки теперь уже, наверное, навсегда.

Она долго будет думать, как вернуть особое моё расположение, и вскоре откусит себе маленький кончик хвоста и поранит зубами ногу. Ну не собаки же её так деликатно и осторожно покусали? Я буду долго возиться с ней, бинтуя хвост и ногу, леча, жалея и заласкивая кошку, пока, выздоровев, она... не повторит то же самое!

Тогда я искупаю её в отваре из тысячелистника. Ранки заживут быстро, но повторять подобную экзекуцию кошка больше не захочет, они вообще не любят купаться.

Зато будет блеснуть и золотиться у неё шерстка от тысячелистника! И ни одного насекомого. Красавица. Наташа Королёва. Хитрюга.

* * *

Что касается интеллекта собак, то перевидела я на своём веку такое, что не вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать. В рассказе «Белая Арапия» я описала бабушкиного пса, Муратку, который умел улыбаться по-человечьи. Едва новый гость за порог – он лыбится, старается щериться дружелюбным таким приветливым оскалом, подражая людям. Авось не обидят. Не сунут сапогом в зубы, а может, и чего вкусного кинут, конфету, например, печенье. Ох и любил он сухие печенья галеты. Людей хорошо одетых любил. Видать, кумекал: чем лучше гость одет, тем больше милостей от него жди, богатый – щедрый.

Бывало, ходит за мной по саду по пятам и щерится своей почти человеческой улыбкой. Ни на кого не смотрит, а с меня глаз не сводит. Платье у меня, помню, красивое было от Нины Ричи, так и называлось оно «платье-бабочка», фурнитура яркая, клёпочки блестящие, талия, как у осы, затягивалась чёрным кожаным ремнём. Чётко я уловила тогда, что пёс – эстет, ходит, любит, наслаждение от своего эстетства получает, щерится счастливой улыбкой. Так и ходил все пять дней по пятам. Бывало, сядет напротив и смотрит, глаз не сводит.

– Влюбился!!! Пошёл вон, сатана! – прикрикнет бабушка, суеверно наблюдая за псом. – Вот дурак так дурак. Чё лыбисси?

Вспоминаю я бабушкиного пса улыбчивого не просто так, а из-за Бурбона.

Бурбон улыбаться не улыбался, но повадился провожать меня в магазин до дороги. И вот в чём смех и странность-то! В магазин я тоже нарядная иду. Юбка фиалковая у меня в кружевах вся, в оборочках, блузка белая с выбивкой, бусы жемчужные, сумочка серебристая. Идёт Бурбон за мной с гордостью, будто я его хозяйка, а он защитник.

И тоже вроде как приятно ему, что я красиво одета. Также эстет ещё тот. Смешно. Попробовала я в галошах в магазин его зазвать, так – дудки! В халате и в затрапезе, да ещё в галошах – такие дамочки Бурбону до фени. Вовсе нелестно ему провожать соседку в галошах и линялой футболке.

Теперь, если, запозднившись, иду вечером далеко, то помню – оденюсь красиво, и охрана обеспечена. Соседи усмеваются. И куда, мол, нафуфырилась?

Один Бурбон знает куда. Идёт по пятам, гордится, что не с кем попало дружбу водит. Сам тоже респектабельный, стройный, подтянутый, сдержанный. Я даже не знаю, порой, собака ли он?..

С таким сам чёрт не страшен. Есть с кем в горы и в сады за грибами ходить. Эх! Разлюбила я красивую непрактичную одежду, да ведь надо же чем-то защитников брать...

Придумала специальный наряд – грибной охотницы: голубые кроссовки и джинсы с лайкрой, светлая вышитая шелком ветровка, волосы стянуты алым кожаным ремешком или двумя маленькими косичками. Чем не Диана? С такой-то Бурбон, только свистни, на край света готов бежать – и за опятами недалеко, и за рыжиками в ущелье к скале «Разбитое сердце».

Почти семейная идиллия

Не знаю, откуда звери узнают, что вот в этот именно дом можно прийти и гостить сколько вздумается, спать на хозяйских креслах и топчанах, а иногда даже на вышитых белых подушках безнаказанно.

Гостило у меня в доме всё лето шесть кошек, и навевались ещё три собаки.

Всё это не мешало счастью моего самого любимого кота Миши Дымчатого. Он купался в ласке и неге. Ел что попросит, пил молоко и особенно зорко сторожил миг утреннего приготовления блинов со сметаной. И он и Ксюша больше мышей и рыбы предпочитают блины со сметаной. Это особый ритуал. Блины они всегда «пекли» вместе со мной, терпеливо и жадно нюхая и наблюдая, таскаясь за мной по пятам, пока я собирала на стол. Потом мы всей гурьбой шли на террасу с подносом, заваривали чай, и тут поднимался жалобный, отчаянный и принципиальный крик. Каждый из них – маленький и большой, требовал свою порцию. Порция должна была быть честной. Насытившись, Ксюша честно первой отворачивалась спиной к столу и смотрела вдаль. Ей подражали все остальные. Не жадничая, отворачивались спиной к столу и смотрели вдаль, в сумрачную зелень каньона, где простирался и убегал далеко вниз наш общий кормилец – сад.

* * *

Как-то раз ночью, в припадке признательности, Дымчатый принесёт мне жирную большую крысу. Весь залитый лунным светом, он ловко вскочит в окно сквозь решётку, изображающую солнышко, мягко спрыгнет в спальню и ласково позовёт меня, давая знать, что пришёл не один. Я на миг включу свет... Три ночи... Луна голубая и фантастичная, в комнате торжественно и светловато, как в кварцевой пещере. Слышен каждый звук: ворочается яблоневая моль в абажуре, шуршит по обоям сороконожка, солирует где-то писклявый сверчок или сверчонок.

Миша Дымчатый играет крысой. Вот она вырывается и бежит вдоль моего ложа. Не хватало ещё, чтобы она запрыгнула мне на... подушку. Крыса приятно коричневая, как Черя, и всё же я не могу побороть отвращение.

– Миша, да не хочу я твоих подарков... Ешь сам!..

Миша слегка прикусывает ей горлышко. Снова ласково зовёт меня, подносит крысу прямо к моему левому уху, тихо кладёт рядом.

– Никогда не носи мне больше такие угощения! Ешь сам... Молодец! Нет, правда, спасибо, но я не хочу!

Я выключаю свет и отворачиваюсь. Через минуту слышу, как Миша снова играет крысой, балуется и наконец приступает к трапезе. Пахнет внутренностями крысы, кровью, злаками, отрубями и ещё чем-то душным и страшноватым. Я закрываюсь одеялом с головой.

– Ну что, Батыркыз, – говорю я себе, – хорошо тебе?

Преданность благодарного Миши Дымчатого умиляет... Смешит. «Хорошо, что не змею...» – погружаясь в сон, думаю я.

* * *

Засыпая, проникаюсь нежностью ко всему живому и доброму на свете. И вдруг под утро вижу во сне свою школьную учительницу Анну Ивановну Лемякину. Будто сидит она аккуратно собранная в дорогу на вокзале с чемоданами и баулами в белом козьем платке-паутинке, в тёплой дублёнке и меховых сапожках, словно собралась на крайний Север.

«Куда же вы, Анна Ивановна», – будто хочу спросить я и не могу; гордость и давняя горькая обида мешают мне, и вижу я, будто замёрзла она, так что

черты задубели на холоде. Синяя, бескровная, губы без помады, тоже бескровные, синие... Но глаза добрые. Смотрит ласково на меня.

Автобус завёлся, а я вдруг с ужасом замечаю, что моих чемоданов нет. Украдены. От этого ужаса и проснулась.

С того дня словно гора с плеч свалилась. Прошла у меня обида на Анну Ивановну. Простила я её. А за что простила – особая история.

ЖЕЛЕЗНАЯ АННА

Письма будущего

До сих пор вспоминаю, как в восьмом классе яично-жёлтыми солнечными утрами апреля моя любимая учительница «литры» Анна Ивановна Лемякина посвятила аж целых четыре урока законам стихосложения.

Вот это были уроки...

Как мы все тогда оживились!

– Анна Ивановна, а зачем нам уметь писать стихи? – спросил долговязый и усмешливый Колька Тлеулиев. – Мы же не Пушкины!

Анна Ивановна, тогда ещё изящная, стриженная под мальчика брюнетка, сделала загадочный жест.

– О, вы не знаете, ребята, какая эра грядёт вам навстречу! – она вдруг заволнуется и преобразится. – Придёт время, и вы будете жить в двадцать первом веке. Наступит новая прекрасная эпоха, где все люди будут равны гениям. Каждый человек напишет книгу!.. Излагаемые мысли станут короче. Мы, ребята, приблизимся на шаг к телепатии.

Она выдержит паузу и пройдёт по классу, слушая наши реплики и восклицания.

– Наша речь, ребята, облагородится, станет красивой, как музыка. В языке появится больше гласных, исчезнут длинноты, неблагозвучные слова и звуки... Петров!.. Животное! Перестань плевать. Отдай трубку... Вот так...

...Наша речь, ребята, преобразится. Это будет выразительный синтез мелоса и поэтического... Кокин! Закрой рот... Глупо! Тоже мне, Крамаров...

...Наша речь преобразится, ребята. Будет казаться, что люди говорят стихами. Люди научатся писать стихами письма... Сологуб!!! Да! Люди, научатся писать стихами письма, говорить совершенным, гармоничным языком... Ведь это уже зарождалось, ребята, когда наши предки умели изъясняться исключительно поэтическими метафорами. Вы только вслушайтесь, как они говорили! – «мать сыра земля», «красна девица», «добрый молодец», «чисто полюшко», «ясны оченьки», «вольный ветер»... Не правда ли, какой великолепный образный строй, какая прекрасная языковая стихия, лексика, душевная грация! А во что вы превратили сегодня свою речь, ребята? Я как-то подслушала старшеклассников, играющих в футбол. Ужас! Это ведь какой-то словесный шабаш, сточные помой, прыгающие изо рта жабы... Да, Дрыгин, да!.. да!

Все засмеялись, а Анна Ивановна, не улыбнувшись, передразнила:

– Вместо слов «красна девица», «добрый молодец», вы говорите «чувак», «чухиха». Вместо «ясны оченьки» у вас – «полтинники», «моргалы». Откуда эти ваши бесконечные «харэ», «ништяк», «похиляли»? А как вы строите фразы?! Многие из вас не говорят, а мямлят, не пишут, а мучаются... – Анна Ивановна вздохнёт.

– Побеседуем же об изящной словесности серьёзно! Чтoб уметь говорить и писать красиво, надо любить поэзию, тренировать память, учить стихи. Ду-

умать! Великая гармонизация языка невозможна без умения сочинять, сла-
гать, мыслить образно и красиво.

— Итак, даю вам задание, ребята! Сочинение... Вы должны написать ро-
мантическое письмо... Письмо... должно иметь поэтический язык, музыку,
рифмы, но не иметь ярко выраженной стихотворной формы. Письма будуще-
го, как и наша речь, будут естественно-пластичны и лишены искусственности.
Поэзия, изящный слог станут нормой жизни... Письмо должно быть...

— Любовное? — осведомился Олег Голованов. — Как письмо Татьяны к Оне-
гину или Онегина к Татьяне?

Класс снова засмеялся, зашушукался, послышались плоские шуточки,
иронические возгласы, но, как ни странно, к заданию все приступили охотно.

— Троек и двоек не будет! — горячо пообещала Анна Ивановна. — Пусть это
будет любовное письмо. Прощу верлибры.

* * *

И вот, прилежно морща лбы, кусая ручки, высунув языки, вздыхая и чеша
затылки, мы принялись за работу. Оговорюсь, что училась я в школе-интер-
нате для особо одарённых детей, и задание, с его законами стихосложения,
было плёвым по сравнению с заданиями, которые нам придумывал Мамбет —
наш учитель бального танца, или Михал Григорич — руководитель изостудии.
Честное слово, любовное письмо стихами не представлялось нам более слож-
ным, чем задание сделать гипсовую фигурку снегурочки или медведя, уж не
говоря про немыслимые па Мамбета, его коленца и рисунок танца, который
он сам придумывал. Я помню, как мы плакали с Бодряшовой, чувствуя себя
безнадёжно тупыми и неуклюжими навек.

Что такое любовное письмо стихами? Тогда мы мало что смыслили в люб-
ви, стеснялись этих слов и вместо слов «любит» предпочитали слово «бегает».
Так вот... в то время я «бегала» за Сашкой Смирновым, с безнадёжным от-
чаянием незамеченного человека зная, что он «бегает» за нашей чемпионкой
по гимнастике Бодряшовой и наверняка посвятит своё сочинение ей. Поэтому
решила писать симпатичному сыну училки по истории Юрке Гордиенко, зная,
что он «бегает» не за кем-нибудь, а за мной. И я написала своё первое роман-
тическое письмо, которое, как всё первое, помнится до сих пор. Вот оно...

Юрке

«Скучно быть тихой и мудрой. Хочу я взорвать эту грусть. Хочу оголтелого
утра. Музыки хочу и безумств. Хочу воровать левкой, в спор вступить с дура-
ком... Чтоб дураков стало двое. И бегать за ним босиком. Слегка обжигая серд-
це на вспыхнувших углях Плеяд, хочу я немилосердно пить глупый любовный
яд. Заворожить и исчезнуть, околдовать и забыть. Ты хочешь чувственной без-
дны? Милый мой, так и быть...

Я подарю тебе ночи... когда-нибудь, словно плен. Губы свои и очи, а может
быть, ужас измен. Хочешь свистящей боли? Вот она, милый, лети! За песенку
лжи и воли и горечь мою — прости.

Хочу воровать тюльпаны, по лезвию бритвы идти...

...С тобою бы я пропала... Мой первый, забудь, прости».

Анна Ивановна Лемякина, как и обещала, никому не поставила ни двой-
ки, ни тройки. Более того, многие получили пятёрки. Но мне она, к моему
огорчению, поставит четыре с минусом. И сразу охладает ко мне. Я поймаю её
ледяной отстранённый взгляд, поджатые губы, а в обращении со мной какую-

то суетливую отрывистую ноту. Она изо всех сил делала вид, что избегает общения со мной, а возможно, даже презирает меня.

Это казалось странным, ведь я ходила у неё чуть ли не в королевах класса, была в любимчиках, баловнях и недотрогах... Я могла прогуливать её уроки безоглядно, и мне за это никогда ничего не было. Теперь же Анна Ивановна была подчёркнуто вежлива со мной, строга и неприятна в своём лицедействе... Вот тебе и сочинение.

Наверняка она сочла меня стервой, скороспелой акселераткой, способной на всё. И приняла моё сочинение на тему «любовное письмо» за чистую монету.

А как же художественный вымысел, воображение, дерзость, конфликт, краски чувств, о которых вы нам талдычили, любезная Анна Ивановна?! Её подчёркнутое равнодушие и холод пронизывали насквозь. Хуже того, в конце учебного года она повторит свой эксперимент. На одном из уроков Анна Ивановна даст нам задание написать поэтическое сочинение на тему «Прощальное письмо». Многие посвятят его любимым учителям. А я посвящу его Сашке Смирнову и с тоской безответно страдающего человека снова не удержусь от дерзких выпадов...

«Любимый, прощай, пусть дрожат оголённые ветки. Листву подмели и такая вокруг тишина.

Хоть ты и уходишь и плащ твой в унылую клетку – мне кажется, это не осень, а снова весна.

Мне кажется, что-то вернулось и нас навестило. Упала тетрадка, забытая лампа горит. Сквозняк от дверей. Расставанье. Когда это было? Когда это было? Когда это жизнь повторит?

Как пусто в саду. Как свежо и прохладно на свете. На старых тропинках мы ищем порой забытья... Прощай, но запомни: кого б с этих пор ты ни встретил, кого б ни любил, ни искал в сотнях лиц, – это я».

Анна Ивановна поставит мне четвёрку и даже сдержанно похвалит. Но странное дело, её подчёркнуто вежливый холод теперь уже стойко поселится между нами. За всей её сдержанностью и благородством манер я вдруг почувствую не просто презрение, а неприязнь.

Раньше она, выделяя меня на своих уроках, ласково простирала руку в мою сторону и с добродушной смешиной во взгляде (как я любила эту тёплую родную смешиночку) говорила:

– Олечка! Вы как считаете?

Она всегда говорила нам «вы». Но теперь это «вы» звучало убийственно. Она больше не простирала в мою сторону призывно-ласковой длани. Просто сухо говорила: «Вы, Оля! Пожалуйста!» И забывала ставить за ответ оценку.

Что-то предательское и скользкое казалось мне в том, как она намеренно отводила свой взгляд, стараясь казаться презрительной и непроницаемой.

Я так и не пойму, за что я погибну в её глазах.

* * *

Зато в школьном туалете я увижу отрадную надпись: «Анна Ивановна Лемякина – стервь!» Кто-то торопливо добавил – «косая». Ещё кто-то аккуратно поизощрялся: «фря тощая – позвольте убрать с вашей юбки нитки... ах – это ножки? Ха-ха-ха!» И дальше – крупно, размашисто сангиной – «Крыса!!!»

Внизу был сделан непристойный, даже очень жестокий и мастерски выполненный рисунок, который мог нарисовать только один-единственный человек в школе, – Танька Бодряшова.

Я заподозрю её ещё и потому, что Бодряшова вообще была безжалостна к женскому полу, видя в каждой юбке подвох.

Анна Ивановна была молода и не то чтобы миловидна – не то слово, в ней был шарм. Мы всегда смотрели с восхищением на её точёную фигуру и пластику. Но мы боялись её. Это факт.

Я покажу Бодряшовой оба своих сочинения, исповедуюсь в своих печалях и обидах на Анну Ивановну и услышу сухой ядовитенький хохоток...

Бодряшова в своих акробатических этюдах на брусках порой напоминала мне маленького принца. У неё были блестящие каштановые волосы и чудесная по мальчишескому типу фигурка: узкие бёдра, красиво развёрнутые плечи, сильная плоская грудь.

В остальной жизни со своей умненькой головкой вундеркинда Бодряшова была похожа на скрипучую премудрую старушечку, которая знала абсолютно всё! Даже высказывания философа Канта. Даже почему люди делятся на красивых и некрасивых.

– Отчего такая вопиющая несправедливость? – однажды спрошу я её и получу немедленный ответ.

– Наверно, потому, что иначе жизнь была бы скучной и пресной. Вся наша жизнь – соревнование, лотерея, игра страстей. На том стоим.

Она отчаянно грассировала: «согенование», «лотегей», и это почему-то мне нравилось... Всё в ней было нестандартно: и манеры, и характер, и ум. Даже грубость и её детская жестокость были милы и пикантны.

Я жаловалась на Анну Ивановну, чувствуя, как глупо и безнадежно перестаю быть для Бодряшовой тайной и авторитетом, и ничего не могла с собой поделать. Обиды жгли.

– Хм... Не понимаю, что в тебе нашёл Юрка Гордиенко, – вместо жалости и поддержки услышу я. – Ты видела, какие у него синие глаза-а? Как море! А у тебя две жабы зелёные в болоте! Ноги тощие, морда чёрная... Одна красота, что запястья тонкие. Мне бы твои руки и талию, и все пацаны были бы мои!..

– А язычок куда денешь? – обозлюсь я.

– Подגעжу!

– А глазки узенькие?

– Хэ... спичинки вставим!

...Обменявшись любезностями, мы вернулись к разговору об Анне Ивановне.

– Ты разрушила свой образ нецелованной пай-девочки, который она так уважала и даже иногда ставила нам в пример – это раз! Знаешь, за что она стала называть меня не иначе как «девица»? Только за то, что я дружу с тобой! Как говорится, скажи, кто друг твой, и я скажу, кто ты...

– Вляпались! – беззаботно брошу я с бравадой.

– А вторым своим сочинением, госпожа Консуэло, ты повергла свою классную даму в глухое раздражение. Ты посмела к репутации стервы и опасной для репутации школы оторвы добавить ореол ещё более стервозной самоуверенной бахвалки и самовлюблённой суперменки, корчащей из себя ясновидящую Кассандру. Всё, что для большого снисходительного человека – забавно, для мелкого, пардон – трагедия. Она – железная стегва!

– Что-что-о?! И это повод для ненависти! – вскричу я. – Аннушка – мелкий человек?!

– Ну, ненависть – слишком громко, а вот неприязнь – да! – Танька нахмурит свой сократовский лоб и даже охрипнет: – Да, мелкий! Я не удивлюсь, если она поставит тебе тройку за год, даже если ты вылезешь из кожи. Думаешь,

Аннушка не унизится до того, чтобы признаться себе, что твой ум и недетские способности вызывают в ней досаду?!

...Если бы Бодряшова знала, как она далека от истины!

Я пожму плечами и неуверенно спрошу о самом сокровенном.

– Тань, скажи честно, это ты в туалете так ухайдокала Аннушку? Ну и рисуночек?

Бодряшова густо покраснеет и начнёт накручивать на палец свой блестящий каштановый хохолок.

– Ты чё – тово?!

И вдруг откроет мне тайну.

– Ты думаешь, только мы с тобой её не любим? Она же – чмо! Неудачница. Послушай, как она всех обсуждает и какими ненавистными глазами на нас смотрит. Рысь!

– За что? – опешу я.

– За то, что мешаем быть ей счастливой и хотим отнять у неё самое дорогое. Ты видела, как Он на нас смотрит – этот... старый кокот?

– Кто? – изумлюсь я.

– Казимир Антонович, наш физрук.

– Ну и что?

– А у неё любовь до гоба: стихи пишет, чёлочку носит.

– Ну и...

– Не конкугигуй – газмажет!

– По себе судишь! – с возмущением отрежу я.

Бодряшова обозлится. Схватит меня, как клещами, за локоть и потащит к Анне Ивановне в учительскую...

– Анна Ивановна! Скажите, только честно, почему вы Оле поставили четвёрку? – волнуясь и негодуя, подступит она к нашей классной. – Я считаю, что сочинение было написано не то что на пять, но и на все шесть!

– Ты так считаешь? – со спокойной насмешливостью поднимет голову Анна Ивановна – Хм...

– Да я просто уверена, Анна Ивановна, что не всякий взгослый человек может ТАК! написать.

– Вот именно, Таня, даже не всякий взрослый человек... Я поставила ей четвёрку за хорошую память!

– Как?! – ошолбенела Бодряшова.

– Не знаю, чьи стихи она привела в сочинении, но память у неё хорошая!

...Я не заплачу. Ударю пинком дверь и выскочу вон. Никогда, ни одна тётка, даже потом, когда мне будет двадцать и двадцать пять, не верила мне, что я пишу свои стихи сама. Верили только старшеклассницы, потому как приходили ко мне с тетрадками с просьбой написать послание любимому мальчику. Было такое, что мои тетрадки со стихами крали надолго, чтобы кое-что позаимствовать. Это невозможно было объяснить Анне Ивановне. Я возненавижу нашу классную и... перестану посещать её уроки, благо, что до экзаменов оставалось всего двадцать дней.

А в школьном туалете под карикатурой, изображающей голую классную с хвостом и крысиным рыльцем, появится ещё одна жестокая надпись – моя. Она будет самой жестокой.

Чудеса в решете

Бодряшова не угадает. Я закончу восьмой класс с пятёрками по литературе и русскому, и Анна Ивановна с сердечной искренностью посоветует мне поступить в художественное училище.

– Выгоняете? – усмехнусь я.

– Родная моя! – горячо воскликнет Аннушка, заметив упрямое сопротивление. – Ты видишь, как мы смотрим на тебя, когда ты сочиняешь? И как мы смотрим на тебя, когда ты рисуешь. Не трать силы попусту! Знаешь ли, мы все умеем пописывать стишки, танцевать, петь, но... рисовать, как ты – не умеет никто!

На этом моя судьба была решена.

...Уходить из школы было страшно. Это казалось рискованной авантюрой, а поступление в художественное училище престижной и несбыточной мечтой. И не такие поступали и проваливались. Одиннадцать человек на одно место! Враньё, конечно. Но...

На экзаменах сразу бросились в глаза очень взрослые лица умных бывалых ребят и разбабистых девушек. Были среди них и парни после армии и со стажем работы в художественных мастерских, были и замужние, уже матроны, да и блатные.

На их фоне я выглядела робкой, инфантильной салагой, мне было всего пятнадцать.

– Хорошо строишь, – то ли пожалеет, то ли подбодрит меня на экзамене по рисунку наш будущий куратор группы Алексей Григорьевич Привалов. – Но... совершенно недопустимая растушёвка... этого делать нельзя... Мне нужны отчётливые крупные штрихи – например, вот так...

...Я хорошо сдам экзамен. И всё же не поверю своим глазам, когда увижу себя в списках поступивших. Чудеса в решете!

И сразу, едва начнутся занятия, увижу, насколько же мой «худграф» интересней нашей образцово-показательной школы. Богема. Талантливые длинноволосые студенты-повесы, изощрённые умы, голубой ватман, этюдники, преподаватели из Москвы, Питера и Львова. Чего только стоили преподаватель композиции Гегель Гелиевич, преподаватель живописи Василь Васильич, преподавательница истории искусств Галина Григорьевна Нефёдова – жена знаменитого художника Нефёдова, выставки которого потрясали.

Как мне нравились наши огромные старые мольберты и хорошо сочинённые натюрморты с чучелами птиц, кувшинами, красными яблоками, лепниной под барокко и рококо... Ах, живопись! Мечта моя живопись... Где ты теперь, Бетехтин? И ты, Юрка?

Из меня получится очень плохой, ленивый график по специальности. И я навечно сохраню незаурядный образ школьной учительницы литературы Анны Ивановны Лемякиной в своей памяти. Её блистательные уроки-спектакли. И уроки-цирки у смешного преподавателя черчения и рисования Михал Григорьича.

Анна Ивановна околдовывала. Михал Григорьич опускал нас на землю. Анна Ивановна учила летать! Михал Григорьич – ползать в чёрных нарукавниках по огромному планшету с серым карандашом и грязной резинкой. Анна Ивановна казалась розовой волшебницей Стеллой. Михал Григорьич – лысым Гудвином, сочиняющим постановки очередных натюрмортов и живых фигур: кирпичи, шар, дева, страшила, дровосек...

Трудолюбивый добрый Гудвин померкнет. А блаженная, жестокая Анна Ивановна – никогда.

Я останусь благодарной за её уроки счастливых преображений, бросков в будущее, соперничания с Олимпийцами, увижу её однажды во сне и всё прощу.

Я даже поеду на пыльные окраины своего города детства, чтобы встретиться с ней.

Чужие среди чужих

Увы, мой сон оказался вещим, нам не суждено было увидаться. Мне подробно расскажут, как она умерла. Как прожила всю жизнь толстой, ворчливой вековой, но всё время что-то писала, сочиняла, издавала, ждала... Умерла неожиданно от порока сердца.

К той поре один за другим умрут мои дед и бабушка, мой крёстный дядя Алексей, тётя Павлина, тётя Аня и двоюродная тётя Маруся, ещё совсем молодой дядя Володя, двоюродная сестра Оля и родной брат Павлик – все не своей смертью: болезни, катастрофы, алкоголизм. Произойдут революции и перевороты в сознании. Люди так и не научатся говорить и писать письма стихами, как предрекала нам мечтательная Анна Ивановна.

Наоборот, наша речь ещё больше огрубеет, станет косноязычной и обангличаненной. Появятся ненавистные мне чужие, такие по-обезьяньи глупые междометия типа «Вау!», «Йес!», в Интернете возникнет так называемый язык «падонкоф» и прочие юродства и надругательства над нашей родной красивой русской речью. В стране выйдут две толстые книги «Русская Фея» и «Энциклопедия жаргонизмов», которые будут нарасхват.

На пыльном чердаке у матери я найду наивную мечту человечества XX века – свои любовные письма стихами. Вот одно из них:

Здравствуй, друг мой милый! Сядь, послушай... что напели ветры розовые в душу. Затаив дыханье, вся в чудесной власти свежести рассвета, слушаю я счастье. Ходит свет на цыпочках по дому. Счастье молчаливо, счастье неведомо, с карими глазами, в кепочке немодной, открывает окна, музыку заводит.

Всё играет и поёт у счастья! Счастье петля заставит даже чайник. ...Это счастье завело будильник, в декабре, на семь утра, на длинный на любимый август в двадцать первом веке. Жизнь проснулась и открыла веки.

...Кто-то носит воду, кто-то ставит чайник и, ловя мотив такой знакомый, затаив дыханье, слушаю я счастье.

Это ходишь ты, любовь, по дому.

...И ещё одно неотправленное письмо на имя Анны Ивановны Лемякиной, запечатанное, подписанное, но забытое напрочь, а потому словно написанное не мной...

Милая Анна Ивановна, жаль, что я, наверное, никогда не смогу написать вам письмо стихами, хотя вы и были вдохновительницей этих писем. Маленькая серая тень прозы пробежала между нами, и мне не до пафоса, дорогая моя, строгая Анна Ивановна. Мне грустно оттого, что вы когда-то так неожиданно отделились от меня, перестали быть моей подругой и покровителем. И всё же мне хорошо оттого, что вы были в моей судьбе. Печаль моя легка. Люблю всё, что связано с воспоминаниями о вас. Вы научили меня быть вышешенной, гармоничной и чистой. Призывали служить Логосу, предостерегли от ненужной эксцентричности и недоброты. Своей любовью к ближнему я обязана Вам, дорогая Анна Ивановна. Кто знает, не объяви вы мне тогда бойкот, сложилась ли у меня потом моя личная жизнь? Благодаря Вам бог миловал меня, я избежала снобизма, циничного холода к людям и научилась прощать. Я прожила всю жизнь с первым и единственным мужчиной, и всё моё высокомерие, против которого вы так восстали когда-то, осталось художественным

вымыслом, несбывшимся, пылающим воображением ребёнка, который вырос, встал над собой и прозой буден. Ваши уроки помогли мне научиться писать добрые поэтические письма моему веку. И эти письма всегда помогали мне в трудный час, как молитвы. Смеем назвать себя цельным, не очень озверевшим человеком. Спасибо за всё.

* * *

Весь месяц я буду бродить по городу детства и грустить.

Единственная, кто откликнется из моих школьных друзей на звонки, будет Таня Бодряшова. Она назначит мне встречу, но почему-то не придёт. Наверное, помешает жара.

Я буду бродить по городу детства и несбывшихся грёз, ощущая витание призрачных чар былого. А потом напишу Бодряшовой письмо, в котором не будет ни упреков, ни просьб, ни прощаний, ни даже тоски по несбывшимся мечтам детства.

«...Прощай, мой друг, растают чары, надену тёплые пимы и сяду я за мемуары под завывание зимы.

Что ж, он пробьёт, мой час, когда-то, и ахнут ангелы с небес.

Во мне, не алчущей расплаты, разыграет вдруг жестокий бес. Полна и желчи, и сарказма, я напишу про вас, друзья, такие смачные рассказы, такой пролью весёлый яд...

Я знаю, все мы будем квиты уж только немощью одной. Но раны жгут, не всё забыто, пусть и прощённое давно. А потому, не помня злости, я только правду разгребу. Да так, что содрогнутся кости и мощи чьи-нибудь в гробу...

...Но умер брат. Не стало брата. И умерли сестра, друзья. Они нещадно виноваты передо мной. Но плачу я. Бывали злы и языкаты, наивны, лживы и хитры. Но умер брат, не стало брата. Не стало маленькой сестры. Уходят в мир теней подруги, достойный недруг и лжедруг. Как по-сиротски, до испуга сквозит пустотами вокруг...»

* * *

Отшельнице никто не пишет. Только сквознячок, зябкий ветер из чёрной дыры прошлого – в угадываемую всем существом тревожную непредсказуемость будущего.

И приснилось Иссык-Кулю его потерянное дитя, заплутавшее в долгих странствиях.

